

ПРИЖИЗНЕННЫЕ ИЗДАНИЯ ПРОИЗВЕДЕНИЙ РУССКИХ КЛАССИКОВ

Л. Н. ТОЛСТОЙ.

Мы хотим познакомить уважаемых читателей с прижизненными изданиями произведений Л. Н. Толстого, хранящихся в редком фонде Научной библиотеки ВолГУ.

1. **Толстой, Л. Н.**

Полное собрание сочинений, запрещенных в России, Л. Н. Толстого. Т. II : Критика догматического богословия. – Издание «Свободного слова» № 70 под редакцией В. Черткова. - Christchurch, Hants, England, 1903. – 326 с.

2. **Толстой, Л. Н.**

Новые произведения Л. Н. Толстого. – Выпуск второй : I. Божеское и человеческое; II. Это ты; III. Паскаль; IV. Ламенэ; V. Петр Хельчицкий. Издание книгоиздательства «Посредник» № 658. – Москва : тип. т-ва И. Н. Кушнерев и К, 1907. - 95 с.

3. **Толстой, Л. Н.**

Круг чтения : Избранные, собранные и расположенные на каждый день Львом Толстым мысли многих писателей об истине, жизни и поведении. Т. 1. Издание «Посредника», напечатанное под личным наблюдением Л. Н. Толстого. – Издание третье. - М. : тип. т-ва И. Н. Кушнерев и К, 1910. – 536 с.

4. **Толстой, Л. Н.**

О жизни : отд. оттиск мартовской книжки журнала "Всемирный вестник" / гр. Л. Н. Толстой. - С.-Петербург : тип. т-ва И. Н. Кушнерев и К, 1906. - 138 с.

5. **Толстой, Л. Н.**

Исповедь : Вступление к сочинению "В чем моя вера?" : отд. оттиск январской

книжки журнала "Всемирный вестник" / гр. Л. Н. Толстой. – С.-Петербург.: тип.т-ва И. Н. Кушнерев и К, 1906. – 62 с.

6. **Толстой, Л. Н.** В чем моя вера? – С.-Петербург : Издание редакции журнала «Всемирный вестник», 1906. – (Серия неизданных в России сочинений графа Льва Николаевича Толстого).
7. **Толстой, Л. Н.**
Единственное средство : отд. оттиск январской книжки журнала "Всемирный вестник". - Изд. второе. - С.-Петербург : тип.т-ва И. Н.Кушнерев и К, 1906. – 18 с.

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО «ПОСРЕДНИК»

В конце ноября 1884 года была достигнута окончательная договоренность о создании книгоиздательства "Посредник", основателем и идейным вдохновителем которого был Л. Н. Толстой, непосредственным организатором В. Г. Чертков. Возникновение нового издательства для народа неизбежно должно было насторожить власти. Ведь еще в 1874 году Главное управление по делам печати предписало Цензурным комитетам обращать на народные издания "самое строгое внимание, а равно подвергать самой строгой цензуре и все вообще издания, предназначенные для народа".¹ "В 1875 году было повторено предписание цензорам "быть в высшей степени внимательными при цензировании дешевых изданий, назначаемых для народного чтения, и в случае, когда замечено будет... злонамеренное в них направление, не ограничиваться исключением одних резких мест, а воспрепятствовать их к печатанию целиком"". ² Издательство "Посредник" привлекало внимание и потому, что его душой был Л. Н. Толстой.

Вначале все шло так, как и предполагалось. Сотрудники "Посредника" предпринимали различные меры предосторожности, цензура (правда с трудом) пропускала издания. Цензурный поход на "Посредник" начался в феврале 1886 года. Петербургский цензурный комитет 5 февраля заслушал доклад цензора Сватковского о рассказе Л. Н. Толстого "Три старца" и, признав, что "подобный рассказ может породить в простом человеке, для чтения которого он и назначен, неверные представления о молитвах и толкования, противные христианскому православному учению, определил: согласно мнению цензора, рассказ "Три старца" к напечатанию не допускать".

Запрещение рассказа "Странник" свидетельствовало о широком наступлении на издания "Посредника". В первую очередь преследовались произведения Л. Н. Толстого. Имя Толстого уже гарантировало повышенное внимание цензуры к книге, а иногда и запрещение ее.

Начиная с осени 1886 года наступление цензуры на Л. Н. Толстого и его соратников по "Посреднику" становится более настойчивым, последовательным, целенаправленным. Теперь его возглавляет непосредственно Главное управление по делам печати.

Вскоре последовали по-настоящему репрессивные меры. Духовная цензура не пропустила "Народные рассказы" Л. Н. Толстого, отметив, что собранные в одной книге, они могут оказать крайне вредное воздействие на читателя, поскольку проникнуты "тенденциозным балагурством и хотя, по-видимому, имеют нравоучительный характер, но скорее вносят в душу читающего не назидание, а разрушение нравственного благоустройства".

Вслед за этим Главное управление по делам печати разослало циркуляр N 3119 от 20 августа 1887 года Цензурным комитетам и отдельным цензорам по внутренней цензуре, в котором предписывалось "не допускать более печатания и выпуска в свет никаких рассказов графа Л. Н. Толстого, как появившихся, так и могущих быть им

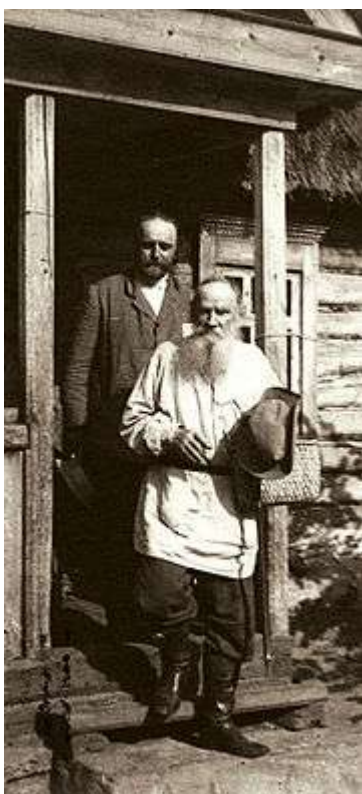
вновь написанными, без представления заключения о них на окончательное решение этого управления".

К этому времени все народные рассказы Л. Н. Толстого и его товарищей по "Посреднику" отправлялись на рассмотрение духовной цензуры. Петербургские цензоры встали на этот путь в конце 1886 года, московские -- еще летом 1886 года. Для "Посредника" же отправление книги в духовную цензуру, как уже было сказано, почти всегда кончалось запрещением ее (Лебедев В. К. Книгоиздательство "Посредник" и цензура. http://az.lib.ru/c/chertkow_w_g/text_0150.shtml).

ЧЕРТКОВ ВЛАДИМИР ГРИГОРЬЕВИЧ

Под влиянием матери и её друзей у Владимира Черткова рано пробудилась тяга к духовным исканиям. Его можно отнести, по определению классиков, к «кающимся дворянам» — новому типу аристократов, заявившему о себе во второй половине XIX в.

В 1883 году познакомился с Л. Н. Толстым, став его единомышленником и помощником. В 1884 году Владимир Григорьевич Чертков организовал, по совету Л. Н. Толстого, издательство «Посредник», целью которого было издание дешевых, доступных простому народу книг. Там публиковалась беллетристика и публицистика морально-этического характера, в первую очередь назидательные статьи и рассказы для народа самого Льва Толстого. Чертков и Толстой вели обширную переписку, составляющую пять томов собрания сочинений писателя.

В 1897 году Владимир Чертков за помощь духоборам был выслан в Англию. Там им были изданы запрещенные в России произведения Льва Толстого и создано хранилище рукописей писателя. Вместе с сыном поехала в Англию и его мать Елизавета Ивановна.

Мать с сыном прожили в Англии около одиннадцати лет. Елизавета Ивановна активно помогала Владимиру вести правозащитную деятельность. Весьма многочисленная группа гонимых духоборов по их ходатайствам смогла эмигрировать из России. На средства матери Владимир Чертков оборудовал типографию в окрестностях Лондона. Там же сформировалось известное издательство «Свободное слово», выпускавшее брошюры о положении верующих в России.

В 1908 году Чертковы возвратились на родину. В 1918 году Чертковым было инициировано издание Полного собрания сочинений Л. Н. Толстого в 90 томах, работа над которым была закончена уже после его смерти. Лев Толстой выразил свою благодарность В. Г. Черткову такими словами:

Бог дал мне высшее счастье. Он дал мне такого друга как Чертков.
<http://ru.wikipedia.org/wiki/%>

Отлучение от церкви

ОПРЕДЕЛЕНИЕ СЯТЕЙШЕГО СИНОДА О ГРАФЕ ЛЬВЕ ТОЛСТОМ

Определение Синода было провозглашено 24 февраля 1901 года и опубликовано в «Церковных ведомостях»

Принадлежа по рождению и крещению к православной церкви, Толстой, как и большинство представителей образованного общества своего времени, в юности и молодости был равнодушен к религиозным вопросам. В середине 1870-х проявлял повышенный интерес к учению и богослужению Православной церкви. Поворотным в сторону от учения Православной Церкви временем для него стала вторая половина 1879 года. В 1880-е он стал на позиции однозначно критического отношения к церковному вероучению, духовенству, официальной церковности. Публикация некоторых произведений Толстого была запрещена духовной и светской цензурой. В 1899 году вышел роман Толстого «Воскресение», в котором автор показывал жизнь различных социальных слоёв современной ему России; духовенство было изображено механически и наскоро исполняющим обряды, а холодного и циничного Топорова некоторые приняли за карикатуру на К. П. Победоносцева, обер-прокурора Святейшего Синода.

В феврале 1901 года Синод окончательно склонился к мысли о публичном осуждении Толстого и о объявлении его находящимся вне церкви. Активную роль в этом сыграл митрополит Антоний (Вадковский). Как значится в камер-фурьерских журналах, 22 февраля Победоносцев был у Николая II в Зимнем дворце и беседовал с ним около часа. Некоторые историки считают, что Победоносцев прибыл к царю прямо из Синода с готовым определением^[26].

24 февраля (ст. ст.) 1901 года в официальном органе синода «Церковные ведомости, издаваемые при святейшем правительствующем синоде» было опубликовано *«Определение святейшего синода от 20—22 февраля 1901 г. № 557, с посланием верным чадам православныя грекороссийския Церкви о графе Льве Толстом»*

Известный миру писатель, русский по рождению, православный по крещению и воспитанию своему, граф Толстой, в прельщении гордого ума своего, дерзко восстал на Господа и на Христа Его и на святое Его достояние, явно пред всеми отрёкся от вскормившей и воспитавшей его Матери, Церкви православной, и посвятил свою литературную деятельность и данный ему от Бога талант на распространение в народе учений, противных Христу и Церкви, и на истребление в умах и сердцах людей веры отеческой, веры православной, которая утвердила вселенную, которою жили и спасались наши предки и которою доселе держалась и крепка была Русь святая.

В своих сочинениях и письмах, в множестве рассеиваемых им и его учениками по всему свету, в особенности же в пределах дорогого Отечества нашего, он проповедует, с ревностью фанатика, ниспровержение всех догматов православной Церкви и самой сущности веры христианской; отвергает личного живаго Бога, во Святой Троице славимого, Создателя и Промыслителя вселенной, отрицает Господа Иисуса Христа — Богочеловека, Искупителя и Спасителя мира, пострадавшего нас ради человеков и нашего ради спасения и воскресшего из мёртвых, отрицает бессеменное зачатие по человечеству Христа Господа и девство до рождества и по рождестве Пречистой Богородицы Приснодевы Марии, не признаёт загробной жизни и мздовоздаяния, отвергает все таинства Церкви и благодатное в них действие Святаго Духа и, ругаясь над самыми священными предметами веры православного народа, не содрогнулся подвергнуть глумлению величайшее из таинств, святую Евхаристию. Всё сие проповедует граф

Толстой непрерывно, словом и писанием, к соблазну и ужасу всего православного мира, и тем неприкровоенно, но явно пред всеми, сознательно и намеренно отторг себя сам от всякого общения с Церковью православною.

Бывшие же к его вразумлению попытки не увенчались успехом. Посему Церковь не считает его своим членом и не может считать, доколе он не раскается и не восстановит своего общения с нею. <...> Посему, свидетельствуя об отпадении его от Церкви, вместе и молимся, да подаст ему Господь покаяние в разум истины (2Тим.2:25). Молимся, милосердый Господи, не хотяй смерти грешных, услыши и помилуй и обрати его ко святой Твоей Церкви. Аминь. (<http://ru.wikipedia.org/wiki/%>).

Социально-религиозные и *философские* искания привели Толстого Л.Н. к созданию собственной религиозно-философской системы (*толстовства*), изложенной им в статьях "Критика догматического богословия", "В чём моя вера" и др.

Л.Н.ТОЛСТОЙ
ОТВЕТ НА ОПРЕДЕЛЕНИЕ СИНОДА ОТ 20-22 ФЕВРАЛЯ И НА ПОЛУЧЕННЫЕ
МНОЮ ПО ЭТОМУ СЛУЧАЮ ПИСЬМА

Верю я в следующее: верю в Бога, которого понимаю как дух, как любовь, как начало всего. Верю в то, что он во мне и я в нем. Верю в то, что воля Бога яснее, понятнее всего выражена в учении человека Христа, которого понимать Богом и которому молиться считаю величайшим кощунством. Верю в то, что истинное благо человека - в исполнении воли Бога, воля же его в том, чтобы люди любили друг друга и вследствие этого поступали бы с другими так, как они хотят, чтобы поступали с ними, как и сказано в Евангелии, что в этом весь закон и пророки. Верю в то, что смысл жизни каждого отдельного человека поэтому только в увеличении в себе любви, что это увеличение любви ведет отдельного человека в жизни этой ко все большему и большему благу, дает после смерти тем большее благо, чем больше будет в человеке любви, и вместе с тем и более всего другого содействует установлению в мире царства Божия, то есть такого строя жизни, при котором царствующие теперь раздор, обман и насилие будут заменены свободным согласием, правдой и братской любовью людей между собою. Верю, что для преуспевания в любви есть только одно средство: молитва, - не молитва общественная в храмах, прямо запрещенная Христом (Мф. VI, 5-13), а молитва, образец которой дан нам Христом, - уединенная, состоящая в восстановлении и укреплении в своем сознании смысла своей жизни и своей зависимости только от воли Бога. Бог делается абстрактным наименованием, условным обозначением веры в истину и в добро (<http://www.skeptik.net/skeptiks/sinodans.htm>).

Исповедь. Фрагменты.

Духовный кризис, пережитый Толстым в конце 1870 — нач. 1880 гг., завершился переломом в его мировоззрении. В "Исповеди" (1879—1882) писатель говорит о перевороте в своих взглядах, смысл которого он видел в разрыве с идеологией дворянского класса и переходе на сторону "простого трудового народа".

«Не найдя разъяснения в знании, я стал искать этого разъяснения в жизни, надеясь в людях, окружающих меня, найти его, и я стал наблюдать людей — таких же, как я, как

они живут вокруг меня и как они относятся к этому вопросу, приведшему меня к отчаянию.

И вот что я нашел у людей, находящихся в одном со мною положении по образованию и образу жизни.

Я нашел, что для людей моего круга есть четыре выхода из того ужасного положения, в котором мы все находимся.

Первый выход есть выход неведения. Он состоит в том, чтобы не знать, не понимать того, что жизнь есть зло и бессмыслица. Люди этого разряда — большею частью женщины, или очень молодые, или очень тупые люди — еще не поняли того вопроса жизни, который представился Шопенгауэру, Соломону, Будде. Они не видят ни дракона, ожидающего их, ни мышей, подтачивающих кусты, за которые они держатся, и лижут капли меда. Но они лижут эти капли меда только до времени: что-нибудь обратит их внимание на дракона и мышей, и — конец их лизанью. От них мне нечему научиться, нельзя перестать знать того, что знаешь.

Второй выход — это выход эпикурейства. Он состоит в том, чтобы, зная безнадежность жизни, пользоваться покамест теми благами, какие есть, не смотреть ни на дракона, ни на мышей, а лизать мед самым лучшим образом, особенно если его на кусте попало много. Соломон выражает этот выход так:

«И похвалил я веселье, потому что нет лучшего для человека под солнцем, как есть, пить и веселиться: это сопровождает его в трудах во дни жизни его, которые дал ему Бог под солнцем»

Третий выход есть выход силы и энергии. Он состоит в том, чтобы, поняв, что жизнь есть зло и бессмыслица, уничтожить ее. Так поступают редкие сильные и последовательные люди. Поняв всю глупость шуток, какая над ними сыграна, и поняв, что блага умерших паче благ живых и что лучше всего не быть, так и поступают и кончают сразу эту глупую шутку, благо есть средства: петля на шею, вода, нож, чтоб им проткнуть сердце, поезда на железных дорогах. И людей из нашего круга, поступающих так, становится все больше и больше. И поступают люди так большею частью в самый лучший период жизни, когда силы души находятся в самом расцвете, а унижающих человеческий разум привычек еще усвоено мало.

Я видел, что это самый достойный выход, и хотел поступить так.

Четвертый выход есть выход слабости. Он состоит в том, чтобы, понимая это и бессмысленность жизни, продолжать тянуть ее, зная вперед, что ничего из нее выйти не может. Люди этого разбора знают, что смерть лучше жизни, но, не имея сил поступить разумно — поскорее кончить обман и убить себя, чего-то как будто ждут. Это есть выход слабости, ибо если я знаю лучшее и оно в моей власти, почему не отдаться лучшему?.. Я находился в этом разряде.

Мое знание, подтвержденное мудростью мудрецов, открыло мне, что все на свете — органическое и неорганическое — все необыкновенно умно устроено, только мое одно положение глупо. А эти дураки — огромные массы простых людей — ничего не знают

насчет того, как все органическое и неорганическое устроено на свете, а живут, и им кажется, что жизнь их очень разумно устроена!

И мне приходило в голову: а что как я чего-нибудь еще не знаю? Ведь точно так поступает незнание. Незнание ведь всегда это самое говорит. Когда оно не знает чего-нибудь, оно говорит, что глупо то, чего оно не знает. В самом деле выходит так, что есть человечество целое, которое чудило и живет, как будто понимая смысл своей жизни, ибо, не понимая его, оно не могло бы жить, а я говорю, что вся эта жизнь бессмыслица, и не могу жить.

Никто не мешает нам с Шопенгауэром отрицать жизнь. Но тогда убей себя — и не будешь рассуждать. Не нравится тебе жизнь, убей себя. А живешь, не можешь понять смысла жизни, так прекрати ее, а не вертись в этой жизни, рассказывая и расписывая, что ты не понимаешь жизни. Пришел в веселую компанию, всем очень хорошо, все знают, что они делают, а тебе скучно и противно, так уйди.

Ведь в самом деле, что же такое мы, убежденные в необходимости самоубийства и не решающиеся совершить его, как не самые слабые, непоследовательные и, говоря попросту, глупые люди, носящиеся с своею глупостью, как дурак с писаной торбой?

....Разумное знание в лице ученых и мудрых отрицает смысл жизни, а огромные массы людей, все человечество — признают этот смысл в неразумном знании. И это неразумное знание есть вера, та самая, которую я не мог не откинуть. Это Бог 1 и 3, это творение в 6 дней, дьяволы и ангелы и все то, чего я не могу принять, пока я не сошел с ума.

Положение мое было ужасно. Я знал, что я ничего не найду на пути разумного знания, кроме отрицания жизни, а там в вере — ничего, кроме отрицания разума, которое еще невозможнее, чем отрицание жизни. По разумному знанию выходило так, что жизнь есть зло, и люди знают это, от людей зависит не жить, а они жили и живут, и сам я жил, хотя и знал уже давно то, что жизнь бессмысленна и есть зло. По вере выходило, что для того, чтобы понять смысл жизни, я должен отречься от разума, того самого, для которого нужен смысл.

Но понятие мое о Боге, о том, которого я ищу? — спросил я себя. — Понятие-то это откуда взялось?» И опять при этой мысли во мне поднялись радостные волны жизни. Все вокруг меня ожило, получило смысл. Но радость моя продолжалась недолго. Ум продолжал свою работу.

«Понятие Бога — не Бог, — сказал я себе. — Понятие есть то, что происходит во мне, понятие о Боге есть то, что я могу возбудить и могу не возбудить в себе. Это не то, чего я ищу. Я ищу того, без чего бы не могла быть жизнь». И опять все стало умирать вокруг меня и во мне, и мне опять захотелось убить себя».

Источники

Ге Н. Н. Портрет Л. Н. Толстого - <http://history-x.ru/03/18/030.htm> - Н.Н

Портрет Л. Н. Толстого и В. Г. Черткова - <http://ru.wikipedia.org/wiki/%>